

Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России

Л. Р. Алиева, К. Р. Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Для цитирования: *Алиева Л. Р., Амбарцумян К. Р.* Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 197–216. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.205>

В статье авторы обращаются к проблеме практической реализации «мягкой силы» в современной российской внешней политике. Целью исследования стало определение места академической мобильности в политике формирования положительного образа России в мире. В связи с этим авторы подчеркивают целесообразность максимального дистанцирования от понимания науки и образования как средств пропаганды и идеологического ответа зарубежным оппонентам. Академическая мобильность является одним из эффективно работающих каналов, дающих возможность транслировать миру не только результаты научной и образовательной работы, но и через межличностное общение в профессиональных сообществах разрушать сложившиеся негативные стереотипы о России. В статье в качестве примера участия государства в налаживании академических обменов приводится структура DAAD и подчеркивается возможность адаптации данного опыта для России. Вопреки утверждению Дж. Ная о вреде чрезмерного огосударствления, опыт Германии показал продуктивность активного участия министерства иностранных дел в налаживании научно-образовательного сотрудничества. Учитывая многообразие регионов Российской Федерации, авторы пришли к выводу о необходимости использования положения приграничных регионов для поддержания политики «мягкой силы» в отношении близлежащих государств и регионов. В качестве примера приведен опыт сотрудничества Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ) с научно-образовательными учреждениями Южного Кавказа. Приграничное положение северокавказского края, общее историческое прошлое народов и общая кавказская идентичность делают СКФУ эффективным средством для усиления влияния России в регионе, который традиционно является ареной международного соперничества. В статье также представлен опыт реализации совместных проектов с европейскими партнерами, проведен анализ актуальных направлений развития Европейского пространства высшего образования, показана роль академической мобильности для формирования устойчивой, сплоченной и мирной Европы. В этой связи авторами делается вывод о существенном вкладе вузов в формирование у зарубежной аудитории положительного представления о России как о стране с этническим, культурным, историческим, религиозным и географическим многообразием.

Ключевые слова: «мягкая сила», академическая мобильность, трансграничное сотрудничество, Северо-Кавказский федеральный университет, научно-образовательные международные связи.

Постановка проблемы и методы исследования

Термин “soft power” («мягкая сила») давно активно используется в научном и политическом дискурсах. Хорошим тоном стало заявлять об инструментах «мягкой силы» на доктринальном уровне и включать его в основополагающие документы внешней политики. Так, в последней редакции Концепции внешней политики Российской Федерации [1] данное направление представлено как «неотъемлемая составляющая современной международной политики». Созданная Дж. Наем конструкция оказалась на практике вариативной и имеет свои особенности применительно к каждому государству.

Система академических обменов входит в арсенал эффективных инструментов в деле формирования положительного образа государства, в этой связи как «мягкую силу» в целом, так и научно-образовательное сотрудничество в частности невозможно исключить из политического контекста и международных отношений. В пользу данного понимания soft power высказываются исследователи, подчеркивающие прямое или косвенное политическое целеполагание культурных и образовательных контактов, которые государство может направлять или поддерживать. Д. Скотт-Смит видит в практике академически обменов следующую политическую прагматику:

— во-первых, они помогают наращиванию взаимопонимания как способа сокращения конфликтного потенциала;

— во-вторых, это средство достижения идеологических, политических или военных целей, спонсирующей «мягкую силу» стороны [2, р. 175–176].

Практическая реализация политики «мягкой силы» через академические обмены зависит от политического режима, который на международной арене пытается позиционировать себя со стороны преимуществ. Так, академические обмены США в политическом смысле направлены на популяризацию либеральных ценностей в американском понимании, целевой аудиторией для решения этой задачи становится общественность авторитарных государств. К. Аткинсон, оценивая их результаты, использует термин «политическая социализация», который позволяет корректно сочетать в «мягкой силе» и политические цели, и общество, вовлекаемое в их достижение. Важно подчеркнуть, что спорадически осуществляемые контакты не могут быть результативными в политическом отношении. Для трансляции и имплементации теоретически сформулированных задач внешней политики они требуют системного подхода, в том числе в деле налаживания академических обменов [3].

Целью статьи является выявление потенциала академической мобильности как инструмента «мягкой силы» в деле формирования положительного образа России в условиях современных международных отношений. Практический опыт Северо-Кавказского федерального университета исследован в связи с необходимостью продемонстрировать наработанный опыт и потенциальные возможности регионального вуза, находящегося в приграничном федеральном округе, который имеет выход на геополитически важный южнокавказский регион.

Исследуемая проблема потребовала использования комплекса методов и теорий, позволивших посмотреть на предмет изучения как с организационной стороны, так и с политической. В этой связи нам близка позиция Т. А. Алексеевой, которая полагает, что существуют объясняющие теории, конструируемые с целью прогно-

зирования, при этом есть инструменты анализа. Теории реализма и неореализма позволили квалифицировать академические обмены как инструмент продвижения национальных интересов и определить значительную роль государства в политике «мягкой силы». Сама концепция «мягкой силы» как внешнеполитического инструмента является неотъемлемой частью неолиберализма. Конструктивизм не стремится к поиску абсолютной истины и относится скорее к инструментам анализа [4] и дает возможности для вариативных интерпретаций. В отношениях неореализма, неолиберализма и конструктивизма можно найти точки пересечения. Речь идет о самом концепте силы, он используется и конструктивистами, которые ввели понятие «дискурсивная сила» [4, с. 13], подразумевающее знание, идеи, идеи, культуру, язык. Это и есть весь инструментарий, который должен быть задействован академическими обменами, если рассматривать их как внешнеполитическое средство. Цели академических обменов установлены в рамках конструктивизма как изменение идентичности, а также формирование нового представления в рамках имагологического концепта «свой — другой — чужой». Кроме того, говоря об организационной стороне «мягкой силы», в том числе академических обменов, мы исходим из конструктивистского подхода к пониманию структур, которые формируются благодаря социальной практике. Системный подход позволил определить место академических обменов в комплексе инструментов российской soft power, а также понять, какую роль они играют во внешней политике на постсоветском пространстве. Посредством институционального анализа проведено сравнение организации российской и зарубежной образовательной дипломатии, а также исследован опыт Северо-Кавказского федерального университета, который иллюстрирует потенциал регионального вуза в реализации политики «мягкой силы».

Научные подходы к трактовке дефиниции «академическая мобильность»

В условиях осложнения отношений России с западными партнерами российское научно-образовательное сообщество автоматически начинает рассматриваться как один из главных инструментов «мягкой силы». По мнению исследовательниц Д. Казариновой и В. Таишевой, в деле формирования благоприятного имиджа России образование может выступать одним из приоритетных факторов [5]. Особенно эффективным средством является институт академических обменов. Встраивание академической мобильности в арсенал политики soft power ставит задачу терминологической определенности. Ввиду отсутствия нормативной базы исследователи и эксперты расходятся в подходах к категории «академическая мобильность». Надо понимать, во-первых, кто в ней участвует, во-вторых, в какой форме это участие проходит. Е. В. Останина понимает под академической мобильностью «ограниченный во времени период обучения студента в стране, гражданином которой он не является» [6]. Содержательно такого же определения придерживается А. В. Варламова, согласно которой «академическая мобильность — это перемещение обучающихся... в другое учебное заведение, расположенное как в Российской Федерации, так и за рубежом» [7].

Согласно взгляду А. Н. Козырина, академическая мобильность является существенной характеристикой Болонского процесса и предполагает получение транс-

граничного образования [8]. Приведенные трактовки рассматривают только студенческую мобильность и не включают в себя профессорско-преподавательский и управленческие составы, что сужает понимание сути и ожидаемого эффекта от академической мобильности как инструмента «мягкой силы».

С. О. Сергеев дает иную трактовку дефиниции «академическая мобильность», в которую включает в первую очередь ученых, именно они становятся локомотивом в процессе формирования нового образа России. С точки зрения исследователя, академическая мобильность как инструмент «мягкой силы» основана в первую очередь на научном потенциале России, правильное использование которого властью способно повысить престиж страны: «Исследования становятся известными благодаря участию российских ученых в зарубежных конференциях, форумах и обменных визитах, так как непосредственное представительство ученых за рубежом является одним из основных ресурсов влияния академической мобильности как источника мягкой силы науки» [9, с. 200].

На сегодняшний день Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод представили наиболее подробный анализ академической мобильности в контексте российской политики «мягкой силы». Их подход представляется наиболее оптимальным и интегрирующим все вышеописанные трактовки процесса академической мобильности. Само понятие «академическая мобильность» они определяют как перемещение профессорско-преподавательского состава, студентов, ученых, представителей администрации в зарубежные научно-образовательные учреждения для повышения квалификации, налаживания контактов и обмена опытом [10, с. 16].

Пандемия COVID-19 усилила значение виртуальной мобильности, о которой много писалось и говорилось ранее. Ряд российских ученых настаивает, что академической мобильностью следует считать только реальное, фактическое перемещение студентов из одного вуза в другой. Например, по мнению А. Н. Козырина, «академическая мобильность — это всегда мобильность физическая. Виртуальная мобильность, дистанционное трансграничное обучение не могут полностью заменить физическую мобильность, предполагающую проживание студента за рубежом и обучение в иностранном университете» [8]. Другие эксперты утверждают, что если считать ключевым компонентом процесс совместного обучения и творчества, в том числе научного, то она может быть как физической, так и виртуальной.

Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод наряду с вышеупомянутыми исследователями особую роль отводят виртуальной системе мобильности, что расширяет возможности, в том числе для лиц с ограниченными возможностями. Виртуальная мобильность — явление новое, и пока единое его определение сформулировать не удалось. Безусловно, физическая мобильность имеет значение, которое трудно переоценить, и заменить ее виртуальной коммуникацией вряд ли возможно. Однако виртуализация способна существенно расширить возможности международного сотрудничества в сфере образования и науки. Она открывает новые возможности для людей с ограниченными возможностями здоровья, позволяет организовать преподавательскую деятельность ведущих мировых ученых в самых отдаленных регионах, расширяет возможности коммуникации ученых, студентов и управленческого состава разных стран.

Пандемия в 2020 г. сделала виртуальное сотрудничество неотъемлемой частью академической мобильности. Цифровизация для академических сообществ оказа-

лась вовремя брошенным спасательным кругом, который позволил не замкнуться внутри своей страны и поддерживать связи. Пандемия стала фактором обострения конфликтов и роста напряженности. В таком контексте «мягкая сила» призвана снижать негативный эффект за счет максимального поддержания культурных и научных контактов.

Организация политики «мягкой силы» РФ и роль научно-образовательных связей

Как же организована политика «мягкой силы» в нашей стране сегодня и какое место в ней занимают научно-образовательные связи? В рейтинге международной консалтинговой компании Portland за 2019 г. Россия заняла 30-е место и продемонстрировала снижение позиции в сравнении с предыдущим периодом: в момент принятия Концепции в новой редакции, т. е. с 2016 г., она занимала 27-е место [1]. Хотя следует отметить, что в первом издании рейтинга в 2015 г. Российская Федерация вообще не попала в первую тридцатку.

Безусловно, как и любой рейтинг, The Soft Power 30 не может считаться абсолютно беспристрастным, и критерии, которыми оперируют его составители, часто отличаются размытостью и неточностью формулировок. Например, возникают вопросы относительно измеряемости, а значит, и репрезентативности такого критерия, как Engagement. Его формулировка в самом докладе выглядит обобщенно. Здесь оценивается вклад государства в международное сотрудничество, его возможности вовлекать в орбиту своего влияния аудиторию других стран. Наибольшей конкретностью в данном субиндексе отличаются такие показатели, как участие страны в различных международных организациях и количество зарубежных представительств (посольства, консульства и т. д.) [12].

Если ориентироваться на выборку по критерию «Образование», то здесь также наблюдается движение России вниз на несколько позиций: с 15-го места в 2017 г. до 20-го в 2019 г. Многие исследователи критически оценивают объективность данных рейтинга The Soft Power 30 [13]. Так, Н. Юдин полагает, что критерий «Образование» «опирается как на вполне объективные и верифицируемые показатели, вроде количества иностранных студентов и объем финансирования, выделяемого на сферу науки и образования из бюджета, так и на рейтинг вузов “QS World University Rankings”, который опять-таки требует критического анализа и не может восприниматься как истина в последней инстанции» [13]. Представляется, что в данном контексте образование является более или менее четким критерием оценки эффективности, а также реальным средством улучшения имиджа России в мире.

В качестве примера экспертного мнения о связи «мягкой силы» и интернационализации деятельности университетов можно привести точку зрения представителей университета в Познани Этторе Деодато и Ивоны Борковски, выступивших в 2014 г. в дискуссионном клубе «Валдай»: «Самым значительным изменением в современной дипломатии является переход от “жестких” форм к “мягким”. Эта культурная дипломатия, спланированная и выверенная, предоставляет в распоряжение образовательных структур очень широкий спектр каналов и интеллектуальных инструментов. Когда угроза войны становится выше, мобилизация всех “мягких ресурсов” имеет решающее значение. Осознание этой угрозы не очень присуще

обществам, которые достаточно долго жили в условиях демократии и твердо убеждены в том, что изменения не могут пойти вспять» [14].

Soft power и ее различные инструменты, реализуемые ведущими мировыми игроками, невзирая на всю популярность и постоянную декларируемость на доктринальном уровне, является и роскошью, и необходимостью одновременно. Дело в том, что все критерии, на которых основан вышеописанный рейтинг, требуют огромных финансовых вливаний. Поэтому позволить себе «мягкую силу» могут только государства с поступательно развивающейся экономикой. При этом не всегда уровень ВВП коррелирует с успехами в различных направлениях политики «мягкой силы», A Global Ranking of Soft Power 2019¹ показывает это расхождение. Например, Китай, занимавший в разные годы первое и второе места по объему ВВП в мире, оказался на 27-м месте уровню развития «мягкой силы». При этом существенно уступающая ему в темпах экономического роста Финляндия оказалась намного выше по результативности soft power и в 2019 г. занимает уверенное 15 место. Выбор совершенно разных по территории и экономике стран осуществлен намеренно, с целью акцента на двух аспектах практической реализации «мягкой силы». Во-первых, лидерство в экономике не становится основанием для лидерства в политике soft power. Во-вторых, если источником политики «мягкой силы» является государство, это противоречит первоначальному замыслу Дж. Най, но она не обречена на провал и может быть результативной. Дж. Най подчеркивает, что к нему официальный Пекин обращался за помощью, но он однозначно всегда отвечал: «Китай должен понимать, что большая часть мягкой силы страны исходит от гражданского общества, а не от правительства» [15]. Данное сравнение призвано показать еще один важный аспект — насколько большее значение имеет готовность и желание инвестировать средства в «мягкую силу», а также в те направления, которые будут реально и эффективно работать, и успешно сопровождать реализацию других целей. В случае с Китаем «мягкая сила» прокладывает дорогу экономическим интересам. Сам факт присутствия в рейтинге свидетельствует об успехе китайского подхода к soft power. Большую роль играет именно образовательная политика, организационно оформленная в Институты Конфуция, в которых изучается китайский язык. Таким образом, следует также учитывать культурные особенности, цивилизационные различия, формирующие различное представление об инструментах и способах реализации политики «мягкой силы». Что касается китайской и российской практики, то по причине доминирующей роли государства в реализации различных направлений soft power, они подвергаются критике.

Если обратиться к российскому опыту, то в 2013 г. президент В. Путин подписал указ о регулировании деятельности системы Россотрудничества, в рамках которого речь шла о существенном увеличении бюджета организации. Ставка делалась на то, что структурные подразделения Россотрудничества станут главными проводниками российской политики «мягкой силы» [16]. В 2014 г. была утверждена Концепция продвижения образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом. Инструментом продвижения российской культуры и науки являются международные центры науки и культуры (РЦНК). Популяризируя российское образование, данные центры призваны в том числе прокладывать дорогу сотрудничеству между конкретными университетами.

¹ На момент написания и правки статьи A Global Ranking of Soft Power 2020 не был представлен, в этой связи авторы обращаются к данным 2019 г.

На современном этапе реализации внешней научно-образовательной политики российские университеты имеют возможность активного участия в формировании институциональной архитектуры политики «мягкой силы». Так, СПбГУ пошел по пути открытия зарубежных представительств (в Испании, Корею, Китае, Италии), укрепляя тем самым двусторонние академические контакты [17]. Таким образом, вуз, минуя посреднические инстанции, связывает научно-академические сообщества и снижает остроту проблемы чрезмерной вовлеченности государства в политику *soft power*, в чем часто упрекается Россия.

Влияние государства на институализацию системы академических обменов: сравнительное исследование российского опыта

Отец-основатель концепции *soft power* Дж. Най скептически оценил попытки как России, так и Китая в сфере институализации и организации данного направления внешней политики. Более того, он подчеркивает, что сегодня актуализировалась новая дефиниция — «острая сила» (*sharp power*). Под ней понимаются информационные войны, ведение которых приписывается Дж. Наю Китаю и России [18]. Российские исследователи также обращают внимание на то, что западные политики, эксперты, журналисты трактуют российскую «мягкую силу» в контексте информационных гибридных войн [19]. В своей статье для *Foreign Policy* в 2013 г. он указал на то, что оба лидера — Ху Цзиньтао и Владимир Путин — неверно трактуют содержание политики «мягкой силы». Выше мы указали на его базовую установку о том, что импульсы и практика *soft power* должны исходить именно от институтов общества, а не государства. Таким образом, в общественном сознании негативные действия государства, например вторжение США в Ирак, уравниваются позитивными результатами деятельности общественных институтов, такими как образовательная и научная дипломатия американских университетов. Речь идет о том, что инициативы научно-образовательного сотрудничества в первую очередь должны исходить от самих университетов. То есть правительство не может быть инструментом «мягкой силы», как это заведено в российской и китайской практике, что Дж. Най считает стратегической ошибкой [20].^B В последнем утверждении есть определенное лукавство, так как в США существует Агентство по международному развитию (USAID), которое является одним из мощнейших инструментов «мягкой силы», именно через него осуществляется выработка политики, мониторинга, оценки и, что важно в контексте исследуемой проблемы, популяризации американской помощи. Это в чистом виде государственный инструмент, который выполняет функции единого центра по налаживанию позитивного международного сотрудничества [21]. Однако наличие большого количества негосударственных участников в сфере продвижения положительного американского имиджа в мире как бы камуфлирует в этом деле государство, которое старается не выступать столь рельефно.

Аргументом против утверждения о приоритете институтов гражданского общества Дж. Най является опыт Германии, где с 1925 г. существует Германская служба академических обменов (DAAD). Ряд российских вузов, в том числе региональных, нарабатал солидный опыт взаимодействия с немецкой службой академических обменов. С 2017 г. на базе Северо-Кавказского федерального университета

успешно работает центр DAAD, на примере которого авторы могут непосредственно наблюдать принципы функционирования данной структуры. Результатом сотрудничества стало налаживание не только научных и образовательных контактов, но и опыт межкультурного диалога и преодоление некоторых стереотипов как о Германии, так и о Северном Кавказе. Деятельность данной структуры в основном финансируется за счет государственного бюджета, меньшая часть денег поступает от частных организаций. Примечательно то, что именно Министерство иностранных дел является основным источником средств, и международное сотрудничество Германии в сфере образования и науки является одним из самых эффективно действующих [22]. Другим примером роли государства в интернационализации образования является British Council. Великобритания называется среди успешных примеров реализации soft power, в том числе в A Global Ranking of Soft Power. При этом такая структура, как Британский совет (British Council), официально зарегистрированная как общественная организация, частично финансируется министерством иностранных дел и по делам Содружества.

В свете вышесказанного к тезису Дж. Ная о вреде чрезмерного огосударствления «мягкой силы» стоит прислушаться, но возводить его в статус аксиомы не стоит, так как практика показывает его относительность. Если в американской внешней политике «мягкая сила» является средством продвижения либеральных ценностей в авторитарных режимах, то неизбежно за этой целью стоят интересы государства. Так, американская Программа Фулбрайта (Fulbright Program), равно как и английская British Council, открыто не демонстрируют политических целей, так как это подорвало бы программу полностью, но подспудно политика присутствует, поскольку речь идет о формировании международного сообщества, разделяющего американские либеральные ценности. Д. Смитт-Скот характеризует этот процесс как имагологический: «Американские исследования эффективно объединяют транснациональную сеть научных исследований. Ученых, для которых национальность больше не является главным фактором в определении их идентичности» [2].

Российская «мягкая сила» также имеет политические задачи и особые условия реализации, в первую очередь в пределах бывшего СССР. Во-первых, она призвана поддерживать интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Во-вторых, в пределах бывших советских республик Россия обладает рядом конкурентных преимуществ относительно других игроков, в том числе общность русского языка. Не только общее историческое прошлое, но основы единого образовательного пространства, кадры с советским образованием, единая советская массовая культура не исчезли в один момент, однако по мере удаления во времени от советского единства инерция ослабевает и ее нужно дополнять новыми направлениями сотрудничества. СНГ стал вариантом «цивилизованного развода», поэтому единство сохранить, в том числе и в научно-образовательной сфере, не удалось [23]. Постсоветское пространство отличается огромным многообразием, поэтому подходы к налаживанию культурного диалога варьируются. В регионе Южного Кавказа и Центральной Азии подходы дипломатии не могут быть такими же, как в отношении европейского «ближнего зарубежья», так как любое давление может быть воспринято как проявление имперских амбиций. Поэтому свое политическое влияние Россия поддерживает через культуру, науку и образование. В 2000-х годах Россия вернулась в региональную геополитику и столкнулась с новыми вызова-

ми. В частности, российским университетам приходится конкурировать не только с национальными университетами, но и с более богатыми и влиятельными школами западных стран [24].

На данном этапе в России пока не создан аналог DAAD или British Council. Однако следует помнить о российской специфике, которая осложняет организацию подобной структуры. Вопросами образовательной дипломатии вплотную занимается Россотрудничество, которое имеет прямую связь с государством и работает под эгидой Министерства иностранных дел. Таким образом, российская практика продвижения образования в мире осуществляется государством, и это обстоятельство никак не камуфлируется, что нехарактерно для западной политики *soft power*. Если ориентироваться на немецкий опыт, то Россия несравнимо больше Германии, что, как доказывает история, всегда затрудняет создание централизованных структур, которые одинаково эффективно будут работать на всей территории.

Потенциал и реализуемые возможности региональных вузов в формировании положительного образа России (опыт Северо-Кавказского федерального университета)

В этих условиях к каждому субъекту федерации требуется свой уникальный подход, в том числе в вопросах налаживания академической мобильности. Например, нужно учитывать близость к конкретным государствам, с которыми можно было бы установить научно-образовательное взаимодействие, максимально при этом задействовать возможности трансграничного сотрудничества регионов.

В качестве примера можно привести опыт Северо-Кавказского федерального университета, который наладил сотрудничество с Республикой Абхазия. Одним из практических результатов стал договор об открытии совместной магистерской программы «Кавказоведение». С 2014 г. по настоящее время университет реализовал 10 крупных проектов, в рамках которых ежегодно успешно осуществляется двусторонняя академическая мобильность преподавателей и научных сотрудников по следующим направлениям:

- совершенствование законодательства в сфере образования, науки и молодежной политики Республики Абхазия;
- информационно-аналитическое обеспечение процессов сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики;
- поддержка русского языка, научного и культурного сотрудничества России и Абхазии;
- распространение лучших практик российского образования в Республике Абхазия;
- научные исследования по историографии и источниковедению истории Абхазии.

В 2016–2019 гг. повышение квалификации по программам СКФУ прошли 1352 сотрудника образовательных организаций Абхазии. Открыты две международные лаборатории (в области права и в области историографии). Активное и продуктивное сотрудничество налажено с Юго-Осетинским государственным университетом им. А. А. Тибилова и с учеными Южной Осетии.

Другим примером реализации регионального потенциала СКФУ является продолжительное и плодотворное сотрудничество с Академией наук Республики Армения и межвузовское сотрудничество. В рамках двусторонних соглашений СКФУ осуществляет сотрудничество с шестью ведущими вузами Армении, с 2010 г. с Российско-Армянским университетом реализуется совместная магистерская программа по экономике. В Азербайджане партнерами СКФУ являются Бакинский государственный университет, Сумгаитский государственный университет, Азербайджанский технический университет. СКФУ принимает участие в деятельности Ассоциации российских и армянских вузов, Ассоциации вузов России и Азербайджана, Ассоциации исследователей Южного Кавказа (AESC). Данный подход и усилия, прилагаемые сотрудниками СКФУ, способствуют укреплению академического сотрудничества и вместе с тем усиливают эффект российской «мягкой силы» конкретно на Южном Кавказе. Все представленные проекты в академической сфере можно рассматривать как инструменты новой публичной дипломатии.

Наиболее популярным и эффективно работающим каналом, определяющим эффективность образования в связи политикой «мягкой силы», является академическая мобильность. Академическая мобильность давно и прочно входит в перечень внешнеполитических средств государства. Впервые детальное определение было дано в документах Комитета Министров Совета Европы:

- в рекомендациях «Об академической мобильности» 1995 г.;
- в рекомендациях «О региональной академической мобильности» 1996 г.

В этих документах под академической мобильностью понималось следующее: «Термин “академическая мобильность” подразумевает период обучения, преподавания и/или исследования в иной стране, чем страна постоянного проживания преподавателя, ученого или студента (далее — “родная страна”). Этот период имеет ограниченный срок действия, и предполагается, что преподаватель, ученый или студент вернутся в свою родную страну после завершения обозначенного периода. Термин “академическая мобильность” не предназначен для определения понятия миграции из одной страны в другую».

В Российской Федерации нет конкретной нормативно-правовой базы, дающей определение академической мобильности. Реализуемый комплекс государственных мер по поддержке и стимулированию научно-образовательных контактов пока не сопровождается целостной системой или концепцией, которая обеспечивала бы функционирование единого механизма организационно-правовой, информационно-аналитической и финансовой поддержки мобильности студентов, преподавателей и ученых [25, с. 429]. Применительно к проблеме повышения эффективности политики «мягкой силы» данное обстоятельство имеет большое значение, так как формирование соответствующей правовой базы позволило бы вывести научно-образовательное сотрудничество, и академическую мобильность в том числе, из дискурса пропаганды и «идеологического воздействия». Примечательно то, что одно из возможных определений академической мобильности содержится в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: «Академическая мобильность — международные перемещения ученых и преподавателей в целях осуществления научной и преподавательской деятельности, обмена опытом, представления результатов исследований, а также в других профессиональных целях» [26]. Однако контекст данного документа существенно

сужает понимание академической мобильности, делает ее просто одним из направлений миграционной политики.

На сегодняшний день масштабным инструментом на уровне государства является Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (2017 г.) [27]. В паспорте проекта заложен комплекс мер, направленный на улучшение позиций России на мировом образовательном рынке. Как самостоятельное направление академическая мобильность в нем отсутствует, хотя различные мероприятия, связанные с ее реализацией, представлены.

Сдерживающим фактором масштабной международной академической мобильности в РФ, как в рамках трансграничных проектов со странами СНГ, так и в совместных проектах с европейскими университетами, является ограниченность в РФ финансовых инструментов, поддерживающих академическую мобильность. Самой значимой программой является стипендия Президента Российской Федерации для обучения за рубежом. Однако количество стипендий весьма ограничено. В 2020 г. на все вузы РФ выделено 40 стипендий для студентов и 60 для аспирантов.

Положительным примером частного проекта, способствующего развитию академической мобильности в России, можно назвать проект «Академическая мобильность» Фонда Михаила Прохорова. В рамках данного проекта фонд финансирует гранты для участия в научных конференциях и семинарах, работы в архивах и библиотеках, стажировок в научных учреждениях страны и за рубежом для студентов старших курсов, аспирантов и молодых преподавателей в возрасте до 35 лет на срок не более двух недель. Существенным недостатком данной программы является то, что лишь девять российских регионов могут участвовать в программе. Согласно годовому отчету о работе фонда за 2015 г., на конкурс поступило 1130 заявок, из которых 310 было поддержано.

Следует отметить наличие отдельных региональных проектов, реализуемых в России. Для целевой подготовки кадров, имеющих международный опыт в научной или учебной сфере, в ряде субъектов РФ предусмотрены региональные программы. С 2006 г. успешно реализуется программа грантов Правительства Республики Татарстан «Алгарыш». Студенты на конкурсной основе систематически получают гранты для обучения за рубежом в рамках программы двойных дипломов с партнерским университетом Казанского федерального университета, а также для обучения по программам магистратуры с получением диплома об окончании. Аспиранты, преподаватели и научные сотрудники могут получить грант на прохождение зарубежной стажировки (от 1 до 3 месяцев). По завершении обучения предусмотрено трудоустройство в Республике Татарстан.

Наиболее ярким примером устойчивой системы транснационального сотрудничества через мобильность преподавателей и студентов и научного партнерства для решения глобальных задач является Единое пространство высшего образования (ЕПВО), базирующееся на соглашении между 48 странами-участницами, в том числе РФ. За счет масштабных академических обменов ЕПВО обеспечило прочную основу для взаимного обогащения научными идеями и технологиями, а также передовыми практиками подготовки специалистов для международного рынка труда.

Сотрудничество через мобильность стало лейтмотивом Римского коммюнике Министров ЕПВО от 19 ноября 2020 г. [12]. Министры образования 48 стран констатируют: «Мы подтверждаем важность и выгоды физической мобильности для студентов, сотрудников и докторантов. Несмотря на нынешние трудности, связанные с пандемией, мы подтверждаем нашу цель, согласно которой по меньшей мере 20 % выпускников ЕПВО должны пройти обучение или стажировку за рубежом, и также мы ставим цель обеспечить всем обучающимся возможность приобрести международные и межкультурные компетенции посредством интернационализации учебных программ или участия в инновационной международной среде в собственных вузах, а также возможность участвовать в какой-либо форме мобильности, будь то в физическом, цифровом (виртуальном) или смешанном формате».

Для обеспечения столь высокого уровня академической мобильности обучающихся в ЕПВО разработана обширная нормативная база, организационные и финансовые инструменты: система переноса зачетных единиц, система признания результатов обучения, европейское приложение к диплому, общеевропейские рамки квалификаций и единые требования к обеспечению качества образования.

Институциональным инструментом международной мобильности в ЕПВО является программа Erasmus+, которая была создана в 1987 г. Она имеет финансовый пакет в размере 16,3 млрд евро на период с 2014 по 2020 г. В 2016 г. Erasmus+ поддержал 725 000 индивидуальных мобильностей и профинансировал около 21 000 проектов. В целом в 2016 г. в программе Erasmus+ участвовали 79 000 образовательных организаций [28].

Северо-Кавказский Федеральный университет активно принимает участие в программе международной академической мобильности Erasmus+ ICM. В настоящее время СКФУ имеет широкую сеть университетов-партнеров в странах Европейского пространства высшего образования (ЕПВО): Германии, Австрии, Великобритании, Италии, Франции, Польши, Чехии, Словакии, Ирландии, Испании, Нидерландов, Белоруссии, Украины, Молдовы, Болгарии, Словении, Сербии, Венгрии, Швейцарии, Северной Македонии, Португалии. В 2019 г. за счет средств, выделяемых Европейским союзом по этой программе, в СКФУ реализованы академические обмены преподавателями и обучающимися со следующими университетами:

- Университет Газиантеп (Турция);
- Университет Тренто (Италия);
- Политехнический университет Коимбра (Португалия);
- Технический университет Дрездена (Германия);
- Педагогический университет Вена-Кремс (Австрия);
- Университет Любляны (Словения).

Помимо этого, академическая мобильность обучающихся СКФУ со странами ЕПВО осуществляется в рамках двусторонних и многосторонних проектов, программ Германской службы академических обменов, национальных программ европейских стран. В 2019 г. 64 студента и аспиранта выезжали на обучение и стажировки за рубеж, в том числе по программам «Stipendium Hungaricum 2018/2019» Национального фонда Венгрии, Министерства образования, молодежи и спорта Республики Словения «СМЕРIUS», Министерства образования Словацкой Республики, Министерства высшего образования, молодежи и спорта Чешской Республики.

Значительных успехов удалось достичь по подаче заявок на программу академических обменов Ассоциации глобального образования для инженеров и предпринимателей (GE4). В Ассоциацию входят 40 университетов Европы, Азии и Латинской Америки. СКФУ является единственным вузом Российской Федерации, входящим в международную ассоциацию GE4. В 2019 г. было подано 14 заявок, 12 кандидатов получили приглашение на обучение в Австрии, Франции, Гонконге.

Академическая мобильность студентов вносит значительный вклад в развитие организационно-педагогической среды СКФУ:

- повышение качества высшего образования, внедрение новых форм и технологий обучения;
- повышение качества подготовки и последующего трудоустройства обучающихся и обеспечение конкурентоспособности выпускников на международном рынке труда, создание условий для последующего расширения сфер трудоустройства выпускников СКФУ;
- повышение эффективности научных исследований, участие в международных исследовательских проектах;
- развитие кадрового потенциала вуза, в том числе за счет изучения иностранных языков, стажировок и обучения в иноязычной среде;
- совершенствование системы управления, установление внешних и внутренних интеграционных связей;
- укрепление экспортного потенциала СКФУ и продвижение университета на рынке образовательных услуг.

Приведенный выше обзор проведенной федеральным университетом работы характеризует практическую деятельность и результативность только одного из российских региональных вузов. Суммарно усилия за годы существования СКФУ позволили наладить научно-образовательные контакты с зарубежными партнерами, в том числе на постсоветском пространстве. Все описанное соответствует общим мировым тенденциям в развитии академической мобильности. Примеры отдельных стажировок, участия в конференциях, международных проектов показывают, что налаживание профессионального взаимодействия на уровне конкретных людей действительно является эффективным механизмом публичной дипломатии.

Факторы, сдерживающие дальнейшее развитие системы академических обменов как эффективного средства российской политики «мягкой силы»

Анализ проблем, возникающих при организации международной академической мобильности, показал некоторые общие тенденции со странами ЕС, однако в целом ситуация в образовательном пространстве РФ в отношении международной мобильности крайне специфична.

На уровне вуза наиболее общими барьерами международной академической мобильности можно считать следующие:

- отсутствие механизмов материальной поддержки прибывающих и выезжающих студентов в большинстве вузов;

— неразработанность специальных методов и механизмов академического обмена, отсутствие нормативной базы, обеспечивающей эффективный обмен с учетом различий в системах образования разных стран;

— нехватка квалифицированных специалистов для организации системы международных академических обменов;

— недостаточное знание обучающимися иностранных языков: студент, приезжающий в зарубежный вуз на стажировку по программе обмена, должен свободно владеть или английским языком, или языком страны пребывания. Необходимо улучшать организацию углубленного изучения не только иностранного языка, но и специальных дисциплин на английском языке;

— ограниченность мест в общежитиях или недостаточная готовность кампуса к приему иностранных студентов в рамках программ академической мобильности;

— низкая информированность обучающихся: каждому участнику входящей и исходящей мобильности необходимо предоставить максимально полную информацию об условиях своего пребывания в стране, включая широкий круг вопросов, например особенности погоды в период нахождения на учебе или стоимость медицинского обслуживания, затраты на обучение и проживание, язык обучения, преобладающая религия в принимающей стране, географические особенности и др. Нельзя также обойти вопросы, связанные с политическим климатом и безопасностью в стране предполагаемого обучения.

На уровне страны можно выделить следующие барьеры:

— крайне ограниченный перечень финансовых инструментов, поддерживающих международную академическую мобильность обучающихся;

— отсутствие прозрачной нормативной базы в отношении программ двойных дипломов и признания периодов обучения в зарубежных вузах, зачисления иностранных обучающихся на включенное обучение в российские вузы;

— сложности в вопросах получения учебных виз для въезжающих и выезжающих студентов, в организации миграционного учета иностранных обучающихся в РФ; зачастую именно сложность в получении визы и в организации постановки на миграционный учет является барьером входящей международной академической мобильности и снижает привлекательность России как дестинации для потенциальных студентов;

— отсутствие общей культуры организации мобильности, низкая информированность общества и рынка труда, непонимание значимости международного академического опыта.

Решить эти задачи способен проект федерального уровня, призванный организационно, информационно и финансово развивать академическую мобильность, вопрос о котором активно обсуждается в настоящее время Ассоциацией ведущих университетов и Минобрнауки РФ. Масштабная и регулируемая программа международной академической мобильности наряду с проектом экспорта российского образования может стать эффективным инструментом новой публичной дипломатии и soft power.

С июня 2020 г. систему Россотрудничества возглавляет Е. А. Примаков, который полагает, что термин «мягкая сила» диссонирует с современными процессами в международной жизни. Он ссылается на зарубежный опыт, где все реже используется эта

дефиниция и речь скорее идет о разных методах, формирующих привлекательный образ страны на международной арене. Смена руководителя наметила основные направления перезагрузки Россотрудничества, в том числе в сфере популяризации российской науки и образования. Политике экспорта образования предполагается уделить больше внимания, нежели это делалось ранее [29]. Действительно, только придание приоритетного статуса политике популяризации российской науки и образования позволит усилить работу отдельно взятых вузов по налаживанию и развитию международного сотрудничества. С 2020 г. в работе организации наметились определенные изменения в формате и структуре. В рамках нашей темы важно подчеркнуть, что речь теперь идет не только о продвижении культуры и русского языка, ставка делается на экспорт российского образования в ближнее зарубежье, ориентируясь, таким образом, на Концепцию внешней политики РФ. Е. А. Примаков саму категорию «мягкая сила» оценивает как нерелевантную времени и дистанцируется от нее, в большей степени предпочитая решать максимально конкретные задачи. Например, ставится целью увеличение квот в российских вузах для иностранных граждан до 30 тыс. в 2023 г. [29].

Проблема соотношения soft power и идеологического давления во внешней научно-образовательной политике

В России термин «мягкая сила» к науке и образованию применяется редко. Например, в Германии научная дипломатия и сотрудничество в сфере образования являются важнейшими инструментами мягкосилового влияния, и эта позиция официально закреплена в немецкой концепции внешней политики. Как справедливо отметил А. В. Торкунов, российское образование следует определять как важнейший ресурс развития страны. Он подчеркивает, что многие страны с развивающейся экономикой тратят значительную часть бюджетов, инвестируя их в образование, которое в дальнейшем используется как эффективный инструмент «мягкой силы». В своей статье А. В. Торкунов обращается к советскому опыту, когда высшее образование было инструментом внешней политики, но использовалось в контексте блокового противостояния как «идеологическое оружие» [30, с. 89]. В данном случае «идеологическое оружие» и «мягкая сила» рассматриваются как понятия тождественные. Безусловно, грань между пропагандой и «мягкой силой» часто зыбкая, однако когда речь идет о сфере образования и науки, сведение международного взаимодействия в данной сфере к идеологическому противостоянию вредит делу. М. М. Лебедева расценивает пропаганду как «неэффективное средство воздействия», которое имеет недолговременную результативность, в отличие от «мягкой силы». Проводя сопоставление, исследовательница показывает противоположность целей и средств пропаганды и soft power. Именно упор на это различие следует иметь в виду, рассматривая научно-образовательные связи как часть «мягкой силы» российской внешней политики. М. М. Лебедева четко обозначает следующие отличительные признаки мягкосилового воздействия:

- не допускает навязывания, противоположной стороне предоставляется выбор;
- ориентировано на долгосрочное взаимодействие;

- отказывается от использования манипулятивных стратегий;
- ориентируется на диалог и принятие противоположной стороны как субъекта;
- ставит целью создание доверительных отношений [31, с. 215].

К перечисленным особенностям можно добавить необходимость выстраивания отношений на паритетной основе. Научно-образовательное сотрудничество, которое призвано положительным образом изменить имидж страны, не должно быть средством демонстрации собственного превосходства: цивилизационного, научного, культурного и т. д. Только партнерские отношения и равноправный взаимообмен дают возможность для реализации практики «мягкой силы».

Если снова вернуться к доктринальной базе российской внешней политики, то международное сотрудничество в сфере образования по-прежнему трактуется именно как средство идеологического ответа. В 2010 г. были приняты «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества». Все культурно-гуманитарное сотрудничество, в том числе в сфере образования, трактуется как инструмент «мягкой силы». Однако акцент при этом делается не на формировании привлекательного образа и позиционировании страны, а на «активном противодействии пропагандистским кампаниям» [32]. Представляется, что, не отменяя функцию идеологического влияния, упор все же следовало сделать именно на профессиональный и научный потенциал системы российского образования. М. М. Лебедева, призывая не рассматривать пропаганду как инструмент «мягкой силы», выделяет сферу культуры, образования и спорта в территорию, где сделать это сложнее всего. Назойливость или демонстрация привлекательности в сфере науки и образования являются наиболее часто совершаемыми ошибками. Именно это произошло с Болонским процессом, когда излишняя бюрократизация значительно снизила положительный эффект. В целом культурная экспансия часто вменяется как обвинение странам Запада именно по причине тонкости границы между идеологическим давлением и презентацией положительного образа [31, с. 216].

Заключение

Таким образом, академическая мобильность рассматривается как эффективный инструмент российской политики «мягкой силы». Важно подчеркнуть, что через налаживание прочных научно-образовательных связей может формироваться бренд не только России в целом. Пространства и географическое, историческое и этнокультурное многообразие страны позволяют осуществлять брендинг отдельных территорий как части большой российской цивилизации. Через научные и образовательные связи презентуется уникальный российский регион, который часто по причине этнокультурного многообразия называют «моделью мира». В этой связи возникает проблема места региональных вузов в системе средств «мягкой политики» России. На современном этапе в формировании имиджа страны именно они способны существенно расширить представления о России у зарубежной аудитории, усилий сложившихся брендов столичных университетов явно недостаточно. Если рассматривать образование как один из важнейших инструментов «мягкой силы», то выработка общей стратегии и встраивание в нее имен-

но региональных университетов является первоочередной задачей. Масштабные проекты академической мобильности и международного сотрудничества СКФУ с вузами-партнерами 39 стран позволяет менять представления в отдельных профессиональных сообществах не только о России в целом, но и о Северном Кавказе.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 21.09.2020).
2. Scott-Smith, G. (2008), Mapping the Undefinable: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programs within International Relations Theory, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. March. <https://doi.org/10.1177/0002716207311953>
3. Atkinson, K. (2010), Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006, *Foreign Policy Analysis*, vol. 6, no. 1, pp. 1–22.
4. Алексеева, Т. А. (2014), Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир, *Современная политика*, № 1 (14), с. 4–21.
5. Kazarinova, D. and Taisheva, V. (2019), Perceptions of Russia in the global world, *Russia in global affairs*, vol. 17, no 4, pp. 25–52. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-4-20-52>
6. Останина, Е. А. (2016), Академическая мобильность как важнейшая составляющая часть высшего образования, *Мир образования — образование в мире*, № 2, с. 142–150.
7. Варламова, А. В. (2014), Академическая мобильность обучающихся российских вузов (на примере ФГБОУ ВПО «РГУТиС»), *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*, № 1, с. 74–79.
8. Козырин, А. Н. (2011), Финансирование академической мобильности в зарубежных странах, *Реформы и право*, № 1, с. 46–52.
9. Сергеев, С. О. (2015), Академическая мобильность как инструмент мягкой силы науки, *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, № 6, с. 198–201.
10. Ковба, Д. М. и Грибовод, Е. Г. (2019), Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы», *Образование и наука*, т. 21, № 10, с. 9–31.
11. ENEA ministerial conference Rome 2020. URL: <http://www.ehea.info/page-ehea-ministerial-conference-rome-2020> (дата обращения: 21.09.2020).
12. A Global Ranking of Soft Power 2019. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).
13. *The Soft Power 30*. URL: <https://softpower30.com/country/russian-federation/> (дата обращения: 21.09.2020).
14. Deodato, E. and Iwona, B. (2014), Universities as Actors and Instruments in Diplomacy. The Academic Soft Power Potential, *Valdai papers* 8. URL: https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai_paper_8_universities_as_actors_and_instruments_in_diplomacy_theacademic_soft_power_potential/ (дата обращения: 21.09.2020).
15. Nye, Jr. and Joseph, S. (2017), Soft power: the origins and political progress of a concept, *Palgrave Communications*, no. 3. <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.8>
16. «Мягкую силу» снабжают средствами. Россия в разы увеличит финансирование деятельности по улучшению имиджа за рубежом, *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2204815> (дата обращения: 21.09.2020).
17. Кропачев, К. и Худолей, К. (2021), Международная деятельность Санкт-Петербургского государственного университета как элемент «мягкой силы» Российской Федерации. *Международная жизнь*, октябрь, с. 100–117.
18. Nye, Jr. and Joseph, S. (2018), How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence, *Foreign Affairs*, January, 24. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (дата обращения: 21.09.2020).
19. Ageeva, V. (2021), The rise and fall of Russia's soft power, *Russia in global affairs*, vol. 19, no. 1, pp. 118–145. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-118-145>
20. Nye, Jr. and Joseph, S. (2013), What China and Russia Don't Get About Soft Power, *Foreign Policy*, April, 29. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power> (дата обращения: 21.09.2020).

21. Кузнецов, Е. (2018), «Мягкая сила» России: чего не хватает?, *Россия в глобальной политике*. 15 января. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-chego-ne-hvataet/> (дата обращения: 21.09.2020).
22. Ланьшина, Т. А. (2014), «Мягкая сила» Германии: культура образование наука, *Вестник международных организаций*, т. 9, № 2, с. 28–58.
23. Фокин, В. И., Боголюбова, Н. М. и Николаева, Ю. В. (2017), Культурное сотрудничество на пространстве СНГ, *Евразийские исследования*, № 5, с. 28–43.
24. Fominykh, A. (2017), Russia's Public Diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The Role of the Universities. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 12, iss. 1, pp. 56–85. <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341350>
25. Ростовская, Т. К., Скоробогатова, В. И. и Очирова, Г. Н. (2020), Государственное регулирование академической мобильности молодых ученых: российский и иранский опыт, в Рязанцев, С. В. и Ростовская, Т. К. (отв. ред.), *I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума (Москва, 16–18 ноября 2020 г.)*. М.: ИТД «Перспектива».
26. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 20.09.2020).
27. Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». URL: <http://government.ru/projects/selection/653/> (дата обращения: 20.09.2020).
28. Erasmus+ in 2016: another record year. *European Commission*, 30 November 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_4964 (дата обращения: 21.09.2020).
29. Евгений Примаков: Россотрудничество заговорит на понятном для зарубежной аудитории языке. URL: <https://tass.ru/interviews/8925417> (дата обращения: 21.09.2020).
30. Торкунов, А. В. (2012), Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России, *Вестник МГИМО-Университета*, № 4 (25), с. 85–93.
31. Лебедева, М. М. (2017), «Мягкая сила»: понятие и подходы, *Вестник МГИМО-Университета*, № 3 (54), С. 212–222.
32. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утв. Президентом РФ 18.12.2020). URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovnye-napravlenija-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/> (дата обращения: 21.09.2020).

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2022 г.

Статья рекомендована к печати 22 марта 2022 г.

Контактная информация:

Алиева Людмила Руслановна — канд. техн. наук, доц.; lalieva@ncfu.ru

Амбарцумян Каринэ Размиковна — канд. ист. наук, доц.; karina-best21@mail.ru

The role of international academic mobility in strengthening the efficiency of “soft power” policy of modern Russia

L. R. Alieva, K. R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University,
1, ul. Pushkina, Stavropol, 355017, Russian Federation

For citation: Alieva L. R., Ambartsumyan K. R. The role of international academic mobility in strengthening the efficiency of “soft power” policy of modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 2, pp. 197–216. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.205> (In Russian)

The authors of the article address the problem of practical implementation of “soft power” in modern Russian foreign policy. The aim of the research was to understand the role of academic mobility in the development of a positive image of Russia in the world. In this regard, the authors emphasize the inexpediency of understanding science and education as a means of propaganda and ideological response to foreign opponents. Academic mobility is one of the

effective channels that allows not only to share the results of research and educational activities, but also, through interpersonal communication in professional communities, to destroy the existing negative stereotypes about Russia. The article provides experience of DAAD as one of the best practices in organizing academic exchanges, and emphasizes the possibility of adapting this experience for Russia. Opposing the statement of J. Nay, German experience has shown the effectiveness of active participation of the Ministry of Foreign Affairs in supporting international cooperation in education and research. Taking into account the diversity of regions in the Russian Federation, the authors came to the conclusion that it is necessary to enhance cross-border cooperation with neighboring regions following the policy of “soft power”. As an example, the authors present the experience of North Caucasus Federal University in cooperation with scientific and educational institutions of the South Caucasus. The border position of the North Caucasus region, common historical past of the peoples and common Caucasian identity make NCFU an effective tool for strengthening Russia’s influence in the region, which traditionally becomes an arena of international rivalry. The article also presents the experience of implementing joint projects with European partners, analyzes current trends in the development of European Higher Education Area, and shows the role of academic mobility in the formation of a sustainable, cohesive and peaceful Europe. In this regard, the authors conclude that universities make a significant contribution to the formation of a positive image of Russia as a country with ethnic, cultural, historical, religious and geographical diversity.

Keywords: “soft power”, academic mobility, cross-border cooperation, universities, North Caucasus Federal University, research and educational international collaboration.

References

1. *Concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on November 30, 2016)*. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB (accessed: 21.09.2020). (In Russian)
2. Scott-Smith, G. (2008), Mapping the Undefined: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programs within International Relations Theory, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. March. <https://doi.org/10.1177/0002716207311953>
3. Atkinson, K. (2010), Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006, *Foreign Policy Analysis*, vol. 6, no. 1, pp. 1–22.
4. Alekseeva, T. A. (2014), Thinking as Constructivist: Opening a Polyphonic World, *Contemporary Politics*, no. 1 (14), pp. 4–21.
5. Kazarinova, D. and Taisheva, V. (2019), Perceptions of Russia in the global world, *Russia in global affairs*, vol. 17, no. 4, pp. 25–52. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-4-20-52>
6. Ostanina, E. A. (2016), Academic mobility as a critical component of higher education, *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*, no. 2, pp. 142–150. (In Russian)
7. Varlamova, A. V. (2014), Academic mobility of students of Russian universities (at the example of FSBEI HPE “RGUTiS”), *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, no. 1, pp. 74–79. (In Russian)
8. Kozyrin, A. N. (2011), Financing academic mobility in foreign countries, *Reformy i parvo*, no. 1, pp. 46–52. (In Russian)
9. Sergeev, S. O. (2015), Academic mobility as a science soft power tool, *Gumanitarnye, sotsial’no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 6-1, pp. 198–201. (In Russian)
10. Kovba, D. M. and Gribovod, E. G. (2019), International academic mobility through the prism of the theory of “soft power”, *Obrazovanie i nauka*, vol. 21, no. 10, pp. 9–31. (In Russian)
11. *EHEA ministerial conference Rome 2020*. Available at: <http://www.ehea.info/page-ehea-ministerial-conference-rome-2020> (accessed: 21.09.2020).
12. *A Global Ranking of Soft Power 2019*. Available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (accessed: 02.09.2020).
13. *The Soft Power 30*. Available at: <https://softpower30.com/country/russian-federation/> (accessed: 21.09.2020).
14. Deodato, E. and Iwona, B. (2014), Universities as Actors and Instruments in Diplomacy. The Academic Soft Power Potential, *Valdai papers* 8. Available at: <https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

valdai_paper_8_universities_as_actors_and_instruments_in_diplomacy_theacademic_soft_power_potential/ (accessed: 21.09.2020).

15. Nye, Jr. and Joseph, S. (2017), Soft power: the origins and political progress of a concept. *Palgrave Communications*, no. 3. <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.8>

16. Funding of “soft power”. *Russia will increase funding for activities to improve its image abroad several-fold*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2204815> (accessed: 02.09.2020).

17. Kropachev, K. and Khudoley, K. (2021), International activities of St. Petersburg State University as an element of the “soft power” of the Russian Federation, *International Affairs*, October, pp. 100–117.

18. Nye, Jr. and Joseph, S. (2018), How Sharp Power Threatens Soft Power The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence, *Foreign Affairs*, January, 24. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (accessed: 21.09.2020).

19. Ageeva, V. (2021), The rise and fall of Russia’s soft power, *Russia in global affairs*, vol. 19, no. 1, pp. 118–145. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-118-145>

20. Nye, Jr. and Joseph, S. (2013), What China and Russia Don’t Get About Soft Power, *Foreign Policy*, April, 29. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/publications/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power> (accessed: 21.09.2020).

21. Kuznetsov, E. (2018), The “soft power” of Russia: what does it lack?, *Russia in Global Affairs*, January, 15. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-chego-ne-hvataet/> (accessed: 21.09.2020). (In Russian)

22. Lan’shina, T. A. (2014), The “soft power” of Germany” culture, education, science, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, vol. 9, no. 2, pp. 28–58. (In Russian)

23. Fokin, V. I., Bogolyubova, N. M. and Nikolaeva, Yu. V. (2017), Cultural cooperation in the CIS space, *Evrasijskie issledovaniya*, no. 5, pp. 28–43. (In Russian)

24. Fominykh, A. (2017), Russia’s Public Diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The Role of the Universities, *The Hague Journal of Diplomacy* vol. 12, iss. 1, pp. 56–85. <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341350>

25. Rostovskaya, T. K., Skorobogatova, V. I. and Ochirova, G. N. (2020), State regulation of academic mobility of young scientists: Russian and Iranian experience, in Ryazantsev, S. V. and Rostovskaya, T. K. (eds), *1st Russian-Iranian Sociological Forum. Collection of abstracts of the forum participants (Moscow, November 16–18, 2020)*, Moscow: ITD Perspektiva Publ. (In Russian)

26. *Concept of state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the President of the RF on June 13th 2012)*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (accessed: 20.09.2020). (In Russian)

27. *Development of the export potential of the Russian education system*. Available at: <http://government.ru/projects/selection/653/> (accessed: 20.09.2020). (In Russian)

3280. *Erasmus+ in 2016: another record year. European Commission, 30 November 2017*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_4964 (accessed: 21.09.2020).

29. *Evgeniy Primakov: Rossotrudnichestvo will speak the language which the foreign audience will understand*. Available at: <https://tass.ru/interviews/8925417> (accessed: 21.09.2020). (In Russian)

30. Torkunov, A. V. (2012), Education as the “soft power” tool in the foreign policy of Russia, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4 (25), pp. 85–93. (In Russian)

31. Lebedeva, M. M. (2017), “Soft power”: concept and approaches, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 3 (54), pp. 212–222. (In Russian)

32. *Main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation (approved by the President of the RF on 18.12.2020)*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/osnovnye-napravleniya-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/> (accessed: 21.09.2020). (In Russian)

Received: February 15, 2022

Accepted: March 22, 2022

Authors’ information:

Ludmila R. Alieva — PhD in Technical Sciences, Associate Professor; lalieva@ncfu.ru

Karine R. Ambartsumyan — PhD in History, Associate Professor; karina-best21@mail.ru